

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ

Мусаева М.К.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, Россия (367030, ул. Ярагского, 75), e-mail: majsarat@yandex.ru

---

Статья посвящена традиционной системе социализации детей у народов Дагестана через интеллектуальное развитие. На этнографических материалах демонстрируются подходы к обучению, развитию логики и бытового мышления у детей. В статье рассматривается процесс получения образования в учебных заведениях, науки, изучавшиеся в рамках программы, сроки обучения, половозрастная дифференциация, методология обучения, проблема доступности образования, некоторые аспекты повседневной жизни учащихся и др. Проблематика рассматривается с привлечением широкого круга разноязычных (на русском, арабском, языках народов Дагестана) источников и литературы, этнографического материала. В исследовании показана организация адекватной социально-экономическому и политическому состоянию региона духовно-религиозной системы образования в XIX – начале XX века, а также внутрисемейная ориентация на получение детьми образования.

Ключевые слова: социализация, исламское образование, Дагестан, исламская культура.

SOCIALIZATION OF CHILDREN AND EDUCATIONAL PROCESS IN PRE- REVOLUTIONARY DAGESTAN

Musaeva M.K.

The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences. Makhachkala, Russia (367030, 75 Yaragsky Str.), e-mail: majsarat@yandex.ru

---

The article is devoted to traditional system of children socialization through intellectual development at nations of Dagestan. Based on ethnographic materials, approaches to training, development of logic and household thinking of children are demonstrated. In the article process of reception of education in different institutions, the sciences studied there according the program, training terms, gender and age differentiation, training methodology, a problem of availability of the education, some aspects of an everyday life of pupils, etc. is considered. In the preparation of this article used the sources in different languages (in Russian, Arabian, languages of the people of Dagestan) and an ethnographic material. Organization of adequate to a social and economic and political condition of region of a spiritually-religious education system in XIX - beginning XX of a century is shown in the article, and also intrafamily orientation to education is demonstrated.

Key words: Socialization, Islamic education, Dagestan, Islamic culture.

Мир детства, способы воспитания детей входят в понятие «социализация», которое в последнее время широко стало применяться в науке и по поводу которого есть неоднозначные интерпретации [19]. Понятие «социализация» несколько шире, чем «традиционное воспитание», которое является синонимом народной педагогики, т.е. воспитательных идей и опыта, передающихся из поколения в поколение в народном творчестве, обрядах, обычаях. Социализация включает в себя, помимо системы «направленных воздействий, посредством которых ребенку пытаются привить желаемые черты и свойства, еще и намеренные, спонтанные воздействия, в результате которых индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом соответствующего

общества» [18, с. 4]. Методы и содержание социализации весьма изменчивы в связи с тем, что они тесно взаимосвязаны с социально-экономической структурой и общественной деятельностью людей, которые, как мы знаем, находятся в постоянном динамичном (почти эволюционном) состоянии. Кроме того, меняется в сторону увеличения и объем передаваемых из поколения в поколение навыков, умений и знаний.

В роли социализаторов действовали в изучаемое время, прежде всего, члены семьи, родственники, старшие члены общины, так называемые естественные агенты [20, с. 135] и специализированные социальные институты (возрастные группы, обучающие заведения – *мактабы, мадраса* и т.д.). До определенного возраста ребенок воспитывается в семье, а затем переходил в специализированный институт, т.е. социализация детей на первых порах (в течение первого возрастного рубежа) была более интимным, семейным процессом, в отличие от последующего рубежа, продолжавшегося до совершеннолетия (времени, предполагавшего полноправное участие в жизни общества).

Становление личности – это, прежде всего, приспособление к жизни в строго заданных для конкретного периода условиях, каковыми являлись, во-первых, хозяйственные, семейно-бытовые, а также определенные принятые в данном обществе нормы поведения; во-вторых – социальная система и политическая ситуация. Эта часть условий более подвижна и нередко подвергалась изменениям, в отличие от первой, где многое достаточно устойчиво и в слегка нивелированном виде дошло до наших дней. Считается, что невозможно понять ни образ жизни, ни особенность социальной истории, не зная как тот или иной народ воспитывает своих детей. «Воспитание возникло вместе с человечеством. Если представить себе историю происхождения и развития воспитания в виде тома из 1000 страниц, то первое упоминание о школе встретится в ней только на 995 или 996 странице. Поэтому массовое народное воспитание и педагогика оказывалась преобладающей и количественно, и качественно. В устном творчестве народа, в его обычаях, традициях заключен колоссальный объем информации по вопросам воспитания» [6].

Социализацию в целом следует рассматривать, прежде всего, как необходимое средство межпоколенной передачи всего комплекса культуры народа.

Исследователи отмечают, что семантика слова «воспитывать» на многих языках народов мира, в том числе и Кавказа, соответствует понятиям: вскормить, выучить, научить, поставить на ноги, сделать человеком и т.д. [22, с. 15].

Русская лексема «воспитание» тоже происходит от слова «питать» и не только в значении «обеспечить пищей», но и в значении «воспитать», «обучить», «вырастить», «привить навыки» [3, с. 269; 11, с. 249; 29, с. 82] и т.д. Например, в одном из дагестанских языков – аварском – лексическая единица «воспитывать» обозначается чаще всего словом

«хьихъизе» («кормить грудью, растить»). Кроме того, существуют понятия «кIудияв гIвезе гъавизе» («вырастить большим»); «рагIалда вахъизе гъавизе» («довести до края»); «гIадамазде гъоркъов вахизе гъавизе» («вывести в люди»); «куркъбал гъезе» («окрылить», букв. «прикрепить крылья»); «гIужда вахизе гъавизе» («довести до метки»); «гIадлу-мизан бугев лъугъизе гъавизе» («вырастить воспитанным»); «гIадан лъугъизе гъавизе» («сделать человеком») и т.д.

Все эти выражения, аналоги которых имеются и у других народов Дагестана, как в прямом, так и переносном смысле обозначают действия, которые в конечном итоге должны привести к тому, что ребенок станет настоящим человеком со всем полагающимся для истинного воспитанного гражданина общества набором нравственных качеств, каковыми в данном случае являлись храбрость, честность, порядочность, трудолюбие, уважение к родителям, к старшим, любовь и уважение к близким, знание правил поведения как в семье, так и в обществе и т.д.

Были какие-то универсальные качества, которыми должны были обладать дети обоего пола, независимо от имущественного и социального положения, но были качества, которые прививались только мальчикам или только девочкам. В воспитательном процессе одним из основных условий была выработка у детей понятия «настоящий горец»; «настоящая горянка», но главное, чтобы не вырос ребенок «невоспитанный», «неуважительный», «ненадежный», для мальчика было важно не вырасти «трусливым», «ленивым» и т.д.

Воспитанию как процессу придавалось особое значение, горцы говорили: «Воспитание – это рай» и начинали его буквально с самого зачатия. Забота о ребенке, о его нормальном развитии начиналась уже тогда, когда он внутриутробно развивался. Не случайно отклонения как физического, так и умственного плана у детей народ связывал с недостаточной заботой о здоровом потомстве при создании семьи, невнимании к внутриутробной жизни ребенка и жизни в первые дни и месяцы появления ребенка на свет [23, с. 14]. Всегда было желание получить хороший «материал» для воспитания. Хотя и говорили, что «на крапиве растет только крапива», или «на дерево похожим бывает и плод», предполагалось, что иногда «на шиповнике цветок растет», или «на колючке цветок растет». То есть воспитание может дать положительный результат, если его начать буквально со дня рождения. Считали, что окруженные любовью и вниманием, они сами будут так же относиться к окружающим, и особенно к младшим братьям и сестрам.

Однако любовь должна была сочетаться с такой строгостью, которая не позволила бы избаловать ребенка. Это идеальные воспитательные установки, которые действовали в традиционном обществе.

Следует, однако, отметить, что в жизни не все подчинялось идеальной, вековым опытом проверенной системе воспитания, и, как говорили, «как в меду есть воск, а в сыре – волосок, так и в семье не без урода». Такие дети доставляли очень много неприятностей родителям, т.к. именно они первыми несли ответственность за детей, за их нравственный облик. Проступки детей, как серьезные, так и незначительные, позором ложились на весь *тухум* (род).

Вся жизнь была школой. Необходимый минимум знаний подрастающее поколение получало через «школу жизни», которая определялась хозяйственной направленностью, семейно-бытовыми и общественными нормами и порядками. Кроме трудовых, физических (военно-спортивных) навыков и умений, подростки получали знания в области ориентации на местности, астрономические, календарные познания.

Девочек, с малолетства приучая помогать матери во всех домашних процессах, обучали, прежде всего, убирать, стирать, готовить еду. Она должна была уметь шить и штопать одежду, вышивать и прясть, в некоторых общинах ткать ковры и выделывать сукно (там, где эти ремёсла были развиты).

Дети должны были иметь познания в метрологии – знать меры веса, длины. Уметь, например, рассчитывать, сколько масла или сыра может получиться из определенного количества молока; сколько муки получится из определенного количества зерна и т.д.

Детей обучали и счету, первые уроки которого проходили на пальцах рук, чаще в форме игры [4, с. 19].

Методы приобщения к знаниям, которые могли ребенку пригодиться в жизни, были самые разнообразные. Прежде всего, для умственного развития использовали беседы на определенные темы, соревнования по отгадыванию вопросов-загадок, сочинению сказок-загадок. Приобретение необходимых в повседневной жизни знаний происходило часто и в процессе непосредственной практики.

Что же касается образования и грамоты, ему придавалось огромное значение. Дагестан – регион с древней образовательной и культурной традицией, о чём свидетельствует сообщение Закарии ал-Казвини, автора XII в., о существовании *мадраса* (мусульманская школа) в с. Цахур и ведшейся в ней активной преподавательской и переводческой деятельности [10, с. 99-100].

Развитию системы образования в Дагестане способствовало в первую очередь расширение влияния ислама и проникновение его во все сферы жизнедеятельности дагестанского общества в целом и каждой общины в отдельности.

Исследователи, занимающиеся формированием и развитием письменности в Дагестане, отмечают, что «...арабский язык стал в этих странах (не арабских – *авт.*) языком религии,

делопроизводства, обучения детей в школах, языком местной литературы, официальной и личной переписки. В результате чего арабское письмо превратилось в международный язык и письменность» [14, с. 174]. Передовая для своего времени арабоязычная, мусульманская культура оказала определяющее влияние на развитие наук и образования в Дагестане, которое невозможно переоценить. Дагестанцы в арабском языке получили совершенный инструмент в постижении передовых для человечества знаний [26, с. 87].

Своеобразными «центрами» подготовки грамотных, образованных людей, в том числе обученных и светским наукам, в Дагестане служили мечети, при которых чаще всего и существовали *мактабы* и *мадраса*. Как отмечает А.Б. Халидов, «обучение могло происходить где угодно, внутри любого помещения, во дворе, у порога дома, на площади, на рынке. Но излюбленным местом обучения всегда была мечеть. Действительно, если учесть архитектуру мечети и особенности климата на Арабском Востоке, мечеть была тем общественным зданием, которое пустовало в свободные от молитвы часы и могло использоваться для всяких сходов, собраний. Поэтому мечеть и стала повсеместно начальной школой...» [40, с. 274].

Надо особо отметить, что школы при мечетях существовали в каждом селе, в многолюдных селах даже несколько. Получение хотя бы первоначального образования считалось обязательным, причем как для мальчиков, так и для девочек. Не случайно еще П.К. Услар, который был в 60-е годы XIX в. отправлен в Дагестан для вытеснения арабской письменности и религиозных школ [17, с. 144-152], вынужден был писать, что «можно сказать, что в Дагестанской области нет почти ни одного селения, в котором при мечети у *кадия* или *муллы* не обучались бы арабскому языку от 3 до 15 и более учеников. Едва ли где-либо в мусульманском населении на всем Кавказе до такой степени развито изучение арабского языка и духовной культуры на этом языке, как в Дагестане» [30, с. 59]. О большом желании обучить грамоте детей в свое время писал относительно дагестанских мусульман А. Лилов: «Всякий горец, мало-мальски имеющий средства, считает священным для себя долгом обучать детей грамоте с единственной целью – дать им возможность читать Коран» [21, с. 14-15].

Это легко объяснимо, если учесть, что в Коране есть несколько *аятов*, которые чётко указывают на желательность приобретения знаний: «...говори: "Господи! Умножь мне знание"» (20:114); «...Аллах возвышает степенью тех из вас, которые веруют, а также тех, которым даровано знание...» (58:11) (аяты Корана в переводе М.-Н. О. Османова) и др.

«В исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания, как одного из условий веры» [39, с. 51]. Существуют пословицы: «Обучение с малолетства грамоте – это узор, выбитый на камне»; «Грамота делает умней, ум приносит пользу»; «Образование

дороже денег, более почитаемо, чем кинжал»; «Знания, полученные в процессе учебы, и природный ум – это то, что невозможно украсть».

Считалось необходимым, даже обязательным дать первоначальное религиозное образование мальчикам до совершеннолетия (приблизительно 15 лет), т.к. именно с этого возраста он начинал участвовать в жизни общины, в частности исламской её составляющей. Например, он должен был уметь читать соответствующие случаю *суры* (главы) Корана. Девочки завершали обучение чтению Корана и основам веры к 12-13 годам и, как правило, не получали дальнейшего образования. Причем когда решали, отправлять ли мальчика в *мактаб* или повременить год-другой, учитывали, прежде всего, физико-психологические характеристики. Рассказывали, что в Нагорном Дагестане повсеместно существовала следующая практика: детей-одногодок собирали у квартального родника или *годекана* (места массового времяпровождения мужчин) и определяли по общему виду, выдержит ли позвоночник предстоящие нагрузки. Если ребенок был низкорослый, худенький, его оставляли для набора на следующий год. Возможно, это было связано с тем, что им нужно было несколько часов сидеть на корточках, полусогнувшись внимать учителю. Здесь явно видна забота об еще неокрепшем позвоночнике подростка, желание сохранить его осанку.

Возможность дать своему ребенку хорошее образование была мечтой каждой семьи. Отражением этой мечты и черт исследуемой эпохи являются многочисленные колыбельные песни, в которых матери выказывают желание обучить своего ребенка (обычно сына) разным наукам.

Как, например, в даргинской (одна из национальностей Дагестана) колыбельной песне, где мать надеется, что ее сын станет учеником школы при мечети (*мутааллимом*):

<i>«Хала-хала ваадли,</i>	(«Когда немного подрастешь –
<i>Хала мижитли будун.</i>	<i>Муэдзин</i> большой мечети.
<i>Пурра хала ваадли,</i>	Когда еще подрастешь –
<i>Ши – шила мутаагЯлим».</i>	<i>Мутааллим</i> по сёлам») [35, с. 24]

О том же мечтает в своей колыбельной песне и аварка, планируя будущее своему ребенку:

<i>«МутаагЯлимлъун вукӀине</i>	(«Чтобы стал ты <i>мутааллимом</i> ,
<i>Гандивеги витӀила,</i>	Пошлю тебя в Анди,
<i>Палимчилъун вахъине</i>	Чтобы стал ты <i>алимом</i> ,
<i>Мелъелтеги витӀила,</i>	Пошлю тебя в Мехельта,
<i>Тухъдузул хуржалги цӀун,</i>	Чтобы, наполнив книгами сумки,
<i>ВачӀина эбелалде».</i>	К матери вернулся ты») [35, с. 11].

На желание дать образование детям, видимо, влияло не только существующая в исламе установка моральной ответственности родителей за приобщение детей к ее основам, но и экономический фактор. В горах, где возможность материального производства за ограниченностью земельных, пахотных угодий была низкой, мусульманское образование могло обеспечить в какой-то степени достаток семьи. Не случайно еще М.Н. Покровский отметил, что в равнинном Дагестане, Астрахани, Поволжье, Закатальском округе, Азербайджане, Средней Азии и даже в странах Арабского Востока служили *кадиями* (судьями), *мударрисами* (преподавателями) выходцы из горных общин Дагестана [1, с. 138].

Начальные знания – арабский алфавит, правила чтения и письма мальчики получали в *мактабе*, где, кроме алфавита, изучались Коран (правила чтения и рецитации (*таджвид*), заучивание избранных *сур* наизусть), необходимые нормы исламской религии (*усул ад-дин*) и этики (*илм ал-ахлак*). На это уходило «от 3 месяцев до нескольких лет» в зависимости от способностей ученика и времени, которое он мог уделить учебе [32, с. 18]. Девочки изучали то же самое дома, у образованных родственников или соседей, т.е. в *мактабе*, но не при мечети. Ознакомление с основополагающими принципами религии и изучение основ веры завершали первый, начальный этап образования.

Желающие продолжить изучение наук поступали на учёбу в *мадраса*, к *алиму* – обладающему знанием (*илм*), содержание которого в мусульманской традиции сводится, прежде всего, к знаниям, охватывающих Коран, хадисы, мусульманское право, догматику. В данном случае *алим* выступал в качестве *муаллима* – передающего знания.

Перечень наук, предметов, использовавшихся учебных пособий, словарей и их толкований, а также последовательность их изучения можно почерпнуть из очерка «Воспоминания муталима» Абдуллы Омарова, который сам прошел все ступени традиционного горского мусульманского образования: 1. Арабская азбука. 2. Начала религии по книге «Усул ад-дин». 3. Заучивание книги «Тасриф» – произведения по морфологии арабского языка. 4. «Саад ад-дин» – популярное в Дагестане грамматическое произведение, на которое имеются субкомментарии местных авторов. 5. «Динкузи» – школьная грамматика. 6. «Вафийа» – краткий учебный трактат по морфологии арабского языка. 7. «Джами» – грамматика арабского языка. 8. «Исагуджи» – это комментарий на введение в логику ал-Абхари. 9. «Шамсийа» – изложение основ логики. 10. «Фанари» – известное произведение по логике. 11. «Маан» – сочинение по риторике. 12. «Махалли» – сочинение по мусульманскому праву. 13. «Джалалайн» – комментарий к Корану, популярный в Дагестане двухтомный труд «Тафсир двух Джалалов». 14. «Ибн Хаджар» – сочинение по мусульманскому правоведению. 15. «Джавами» – сочинение по мусульманскому правоведению. 16. «Затем редко кто проходит математику». 17. «Акаид» – трактат о

единобожии. Следует, однако, отметить, что образование ученого мусульманина не ограничивалось изучением перечисленных книг и дисциплин. Их круг был значительно шире [25, с. 33-41].

Абдурахман из Газикумуха в своих «Воспоминаниях», отмечая науки, которые были распространены в Дагестане, указывает следующие: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание Пророка, суфизм, риторика [2, с. 85]. В своём сообщении Гаджи-Али из Чоха, перечисливший науки, изучавшиеся им, отметил, кроме вышеприведённых, хадисы, стихосложение и астрономию [7, с. 80].

Материальная база учебных заведений полностью зависела от достатка общины (*джамаата*). Мактабы в большинстве своем не имели специально выстроенных или приспособленных зданий и располагались в доме у учителя (*муаллима*) или на его рабочем месте – в мечети. Специальными помещениями для учебы, расположенными в мечетях или построенными для этой цели, как правило, на общественные средства, располагали обычно только *мадраса*. *Мадраса*, кроме учебного помещения, включал и общежитие (*хана*).

От материального благосостояния жителей общины и самого общества зависело, как выглядело классное помещение. Например, в селении Чох, по словам Халилбега Мусаясул, в учебном зале «не было никакой мебели, кроме низких деревянных столов». Коврик для сидения каждый приносил с собой [28, с. 58]. Для тренировок письма использовались деревянные дощечки [32, с. 16].

Единых установленных сроков начала и продолжительности учебного года не существовало. Однако освобождение от хозяйственных забот делало предпочтительным периодом для начала занятий позднюю осень [15, с. 118]. Как отмечает тот же А. Омаров, «всякий учащийся оставлял учение по личному желанию или же по семейным обстоятельствам... Весь высший курс дагестанского мусульманского обучения оканчивают после 10–15-летних трудов» [33, с. 49].

Накануне революции в Дагестанской области при наличии 1700 мечетей насчитывалось 740 мусульманских школ, где обучалось 7,5 тысяч учащихся [9, с. 106]. Эти данные следует рассматривать как весьма приблизительные и неточные [16, с. 117-118], т.к. нет разделения на *мактабы* и *мадраса*, а также не учитывается обучение на дому у *алима* и др. По данным переписи 1897 года, процент грамотности коренного мужского населения по всему Дагестану составлял 14%. [14, с. 214].

Завершивший изучение мусульманского права получал статус *алима*, на чём приобретение знаний не завершалось. Он продолжал изучать науки под руководством узких специалистов по интересующим его наукам. Распространение получила практика поездки

мутааллимов за пределы Дагестана для получения знаний, прежде всего в Сирию, Багдад, Каир, Йемен – *шафиитские* (одна из школ мусульманского права) регионы обширного исламского мира.

Несмотря на то что представителем духовенства в исламе может быть любой, кто выделяется большими знаниями в области религии; ислам не знает «духовенства» – посредника между Богом и людьми; в исламе не существует института, подобного духовенству в христианстве – с посвящением в сан и т.д.; образованность, знание религиозных наук и звание *алим* (учёный) в исламе вводило в число лиц, занятых обеспечением религиозных потребностей населения, с присущим им, в любом обществе, почётом и уважением.

Все *алимы* наставляли. Преподавание всегда было занятием уважаемым. Каждый получивший знания считал своим долгом передать их. «Занимайся преподаванием того, что ты знал студентом. Преподавание прибавляет знание, и это благодарное дело» (стихи неизвестного дагестанского автора на арабском языке) [26, с. 93].

Пребывание в *мактабе* оплачивалось родителями *мутааллима*. Плата была небольшой. Или же *мактаб*, как и *мадраса*, содержались за счёт общественных средств – доходов с *вакфа* (общественная собственность, предназначенная для благотворительных целей) и части *закята* (обязательный налог с мусульман).

Мутааллимы переходили от одного *алима* к другому, например, от специалиста по арабскому языку к правоведу и т.д. Если необходимого преподавателя не было в родном селе, то обучение можно было продолжить в другом. Таким образом, *мутааллимы* большую часть времени обучения проводили вне своего дома. Поиск знаний требовал от них чрезвычайной мобильности. По материальным причинам или ввиду более сытного довольствия в другом обществе по окончании изучения книги или какой-либо науки *мутааллим* мог перейти к другому преподавателю, в другое село. Он должен был «отвыкнуть от дома и находить удовольствие в странствии и учении, терпеть голод, холод и жизненные невзгоды» [33, с. 53-54].

При переходе *мутааллима* к другому *алиму* существовала практика отправки с ним письменных просьб-рекомендаций, где наряду с достоинствами ученика часто указывались сложные семейные обстоятельства, в которых находится ученик, содержалась просьба помощи страждущему и ищущему знаний [24, с. 120].

В некоторых случаях, особенно при недостатке средств для пропитания, *мутааллимы* обращались с просьбой о помощи к состоятельным людям. Как считают исследователи, большое количество подобных обращений, дошедших до нас, свидетельствует о традиционности и обыденности этого явления [26, с. 93-94].

Некоторые ученики имели возможность содержать себя сами, т.е. быть своекоштными [33, с. 4].

Мутааллимы имели и свои мелкие доходы: оплата за чтение Корана по усопшему; угощения по случаю праздников от общины; продажа азбук и т.д. [33, с. 2, 15, 25, 36, 51].

В среде *мутааллимов* не считалось предосудительным по четвергам вечером, а по пятницам утром ходить по домам, просить на пропитание, кто что подаст. У лакцев (одна из национальностей) существует выражение «*аьлихIала тIий, занан*», обозначающее «попрошайничать», но в буквальном смысле переводимое – «ходить, говоря *аьлихIала*». Как считает Н.С. Джидалаев, это выражение возникло именно тогда, когда «ученики примечетской школы или мадраса, как правило, по пятницам ходили по селению с "ритуальной песней-молитвой" и собирали для себя продукты и дрова. А "*аьлихIала*" – первая фраза из песни-молитвы, которую пели обычно мутааллимы» [12, с. 145]. В аварских селениях они ходили, приговаривая: «*Ражу-мажи, данде жо кье, батани*» («Чеснок и то, что с ним едят, дайте, если есть»). Очередность «на хождение в люди» устанавливалась даже путем жеребьевки.

Раз или два раза в месяц, если *мадраса* находилась не очень далеко от его села, *мутааллим* отправлялся к себе домой на пару дней. Родственники, считая своим долгом поддержать тягу ребенка к образованию, в обратную дорогу снабжали его некоторым количеством продуктов. Некоторые излишки продуктов, которые появлялись во время религиозных, а иногда и календарных праздников, обменивались на школьные принадлежности (бумагу, карандаши, чернила и т.д.). И несмотря на это, ученики часто находились в нужде.

Мутааллимы помогали друг другу как материально, так и в учебе. В «Правилах обучения для отсеивания мирского» написано, что «старшие студенты должны подбивать учащихся и побуждать к приобретению света ученья и знаний» [13].

Однако, возможно, не всегда и не во всех примечетских школах взаимоотношения были простыми. В частности, как отмечает Н.С. Джидалаев, выражение «*цIигьуршив дуллан*» (прислуживать, быть на побегушках, букв. «быть в положении *цихура*, т.е. слуги») возникло в связи с тем, что в примечетской школе самый младший ученик убирал помещение и готовил на всех обед [12, с. 145]. По поводу их необеспеченного существования существовало множество анекдотов, новелл. У лакцев, например, существовало выражение: «*Мюталин уччин ан захIматссар*» («*Мутааллима* накормить очень сложно»), – имелось в виду, что он всегда голодный. У тех же лакцев фраза «*ккашил мюталин*» («голодный *мутааллим*») стала нарицательной, причём имеется в виду и жажда знаний в том числе.

Обучение в *мадраса*, порой достаточно далеко расположенного от дома, далеко не раздольный образ жизни, необустроенный быт, не говоря о самом процессе обучения и сложности программы, выдерживали не все. *Мутааллимы* говорили, что они устали «паласы протирать, изнашивать» («*ххютIри ссуссин буллан*» – лакс.), – имеется в виду, что ученик в *мадраса* имел свой коврик (палас) и во время занятий сидел на нем [12, с. 145].

Особого внимания заслуживает система обучения, основным элементом которой являлось зазубривание текстов объемных произведений наизусть.

Полученный в день предыдущих занятий текст повторялся учеником, после чего преподаватель проверял усвоение материала и давал новый урок, который *мутааллим* должен был прочитать тут же. На следующем занятии цикл повторялся [15, с. 119].

Количество учеников у *муаллима* могло быть различным от 1-2 до 30 и более [27, с. 165; 26, с. 58]. Мутааллимы «как можно лучше и громче читали алфавит и сочетания отдельных согласных с гласными. Вследствие этого в классе стоял непрерывный гул, подавляющий любую собственную мысль в самом зародыше», – писал Халилбег Мусаясул [28, с. 158].

Мутааллим начинал понимать читаемое, только лишь дойдя до «Динкузи», «Вафии» и «Джами», т.к. вся учебная литература была на неродном арабском языке, и «сообразно своим способностям, получал большую или меньшую степень известности между другими хорошими и плохими учениками» [33, с. 47].

Здесь необходимо отметить, что в процессе обучения не происходила последовательная смена одних дисциплин на другие. Довольно часто параллельно с грамматикой изучался *тафсир* (толкование Корана), параллельно с *тафсиром* – *фикх* (мусульманское право), хадисы. Такая практика обучения способствовала постоянному накоплению знаний одновременно по нескольким дисциплинам и вместе с тем способствовала своего рода повторению, но уже в более углубленной форме, уже пройденного материала по изучаемым дисциплинам [41, с. 157].

Одной из форм углубления знаний, выявления истины, повышения профессионального уровня являлись устные и письменные диспуты в различных областях знаний. Некоторые целенаправленно в этих целях странствовали для устраивания научных дискуссий [8, с. 5].

Несмотря на то что существовавшая в Дагестане система обучения удовлетворяла потребности населения, обеспечивала преемственность знаний и высокий уровень учености, она страдала большим количеством недостатков, давая в основе своей схоластические знания.

Приверженцы возникшего на рубеже XIX–XX вв. движения «джадидизм», требовавшие внесения изменений в традиционную систему образования, подвергли ее нещадной и обоснованной критике. По мнению джадидистов, исламское образование в Дагестане стало

останавливаться в развитии [29, с. 41-45, 50-51]. Выявлялась оторванность образовательного процесса от новых реалий. Подобная критика стала возможной лишь в начале XX века с введением звукового метода преподавания языка и с ознакомлением с передовыми европейскими достижениями в области образования.

К мусульманской системе образования царские власти относились более чем критически. В силу того, что мусульманские школы рассматривались как рассадники фанатизма и религиозной нетерпимости [15, с. 121], администрация осуществляла строгий надзор за деятельностью исламских учебных заведений. Царские власти очень беспокоила монополия духовенства на воспитание молодого поколения горцев и их моральное влияние [36, с. 5].

Начальник Дагестанской области в своем отчете за 1869 г. отмечал, что в примечетских школах «кладутся семена религиозной нетерпимости и фанатизма и той непримиримой вражды и ненависти к неверным, проявления которых в разных видах мы видели и, вероятно, еще увидим не раз в разных частях Кавказа» [34, с. 71].

С целью уменьшения влияния мусульманского духовенства на молодежь, прекращения использования арабского языка в делопроизводстве, ослабления связей горцев с исламским миром, уменьшения влияния арабского языка и исламской культуры власть предприняла попытку введения системы европейского светского образования. После 60-х годов XIX века стали открываться светские школы [16, с. 69-74], но они не пользовались такой популярностью, как привычные *мактабы* и *мадраса*.

«Арабская школа, – писал Н. Самурский, – с тысячелетней историей напитала своими духовными соками мозг и кровь дагестанца...» [38, с. 150].

В изучаемый период другой альтернативы существовавшей в Дагестане традиционной системе образования не было, и отсталость ее до проникновения капиталистических отношений не проявлялась.

В целом следует отметить, что полная социализация индивида в общество в Дагестане предполагала наличие хотя бы первоначальных азов образованности и грамотности. Надо отдать должное тому, что, несмотря на перечисленные выше недостатки, традиционная система образования в Дагестане сложилась таким образом, что каждый талантливый ученик мог получить образование. И как нам кажется, на определенном этапе развития общества она была адекватной потребностям и времени.

Автор выражает благодарность заведующему Центром востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН Мусаеву Махачу Абдулаевичу за предоставленные материалы.

Список литературы

1. Абдуллаев М.А. Арабо-мусульманская научная и философская мысль в досоветском Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. Сборник статей / отв. ред. А.Р. Шихсаидов. – М. : Восточная литература, 2001. – С. 138-171.
2. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / перевод с арабского М.-С. Саидова. Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Предисловие А.Р. Шихсаидова. – Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1997. – 868 с.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон А.И. Воспитание // Энциклопедический словарь. – СПб., 1892. – Т. VII. – С. 269-272.
4. Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII–XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). – Махачкала : Издательство ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 220 с.
5. Бутинов Н.А. Половозрастная организация // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 63-68.
6. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашского народа. – Чебоксары, 1966. – 335 с.
7. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала, 1990. – 80 с.
8. Гайдарбеков М. Антология дагестанской поэзии на арабском языке // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. – Д. 162.
9. Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане: истоки, традиции и своеобразие художественной системы. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1978. – 420 с.
10. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. – М.-Л., 1941. – С. 81-110.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах. – М. : ГИС, 1955. – Т. I. – 700 с.
12. Джидалаев Н.С. Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане (к характеристике языковой ситуации) / отв. ред. А.А. Абдуллаев. – Махачкала, 2004. – 288 с.
13. Зайналабид ал-Килатли. Правила обучения для отсеивания мирского // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 3. № 298.
14. Исаев А.А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана // Социологический сборник. – Махачкала, 1970. – Вып. I. – С. 173-232.
15. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М., 2001. – С. 116-130.

16. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. – М. : Наука, – 1971. – 475 с.
17. Каймаразов Г.Ш. П.К. Услар об образовании и воспитании дагестанских горцев (К 190-летию со дня рождения кавказоведов) // Вестник Института истории, археологии этнографии. – Махачкала, 2006. – № 4 (8). – С. 144-152.
18. Кон И.С. Введение // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / под ред. И.С. Кона и др. – М. : Наука, 1983. – С. 3-8.
19. Кон И.С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. – 1981. – № 6. – С. 98-106.
20. Кон И.С. Ребенок и общество. – М., 1988. – 271 с.
21. Лилов А. Очерки из быта горских мусульман // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1886. – Вып. 5. – Отдел II. – С. 1-36.
22. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века: (Этнографическое исследование). – Нальчик : Эльбрус, 1991. – 254 с.
23. Мирзоев Ш.А. Народная педагогика Дагестана. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1992. – 183 с.
24. Мусаев М. А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года : дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2003. – 199 с.
25. Мусаев М.А. Круг изучаемых предметов, книг и уровень знаний дагестанского духовенства второй половины XIX в. // Научное обозрение. – № 40. – Махачкала, 2008. – С. 33-41.
26. Мусаев М.А. Мусульманское духовенство 60-70-х годов XIX века и Восстание 1877 года в Дагестане. – Махачкала : Издательство Дагестанского научного центра РАН, 2005. – 152 с.
27. Мусаев М.А., Наврузов А.Р. Исламское образование в Дагестане: в поисках верного пути // Изучение и преподавание ислама в Евразии / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; [отв. ред. М.С. Мейер; сост.: И.Л. Алексеев, С.А. Кириллина, В.В. Орлов]. – М. : Ключ-С, 2010. – С. 162-193.
28. Мусаясул Х. Страна последних рыцарей: повесть о Мире Кавказских гор / перевод с немецкого Гаджиевой С.Г. – Махачкала, 1990. – Махачкала : Юпитер, 1999. – 304 с.
29. Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагестан» – историко-культурный памятник (1913 – 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2000. – 199 с.

30. Обзор Дагестанской области за 1911 г. Приложение ко всеподданнейшему отчёту военного губернатора Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура : Дагестан, 1912. – 61 с. + 20 л.
31. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общей редакцией академика С.П. Обнорского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1952. – 848 с.
32. Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. I. – Гл. VII. – С. 13-64.
33. Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. II. – Гл. VI. – С. 1-70.
34. Отчет о состоянии Дагестанской области за 1869 год. – Темир-Хан-Шура, 1869. – 48 с.
35. Отчеты экспедиций ДГУ // Рукописный фонд Дагестанского государственного университета. – Д. № 23.
36. П. У. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. – Вып. III. – Гл. IV. – С. 1-30.
37. Памятники эпистолярного жанра // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1.
38. Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. – М.-Л. : Госиздат, 1925. – 150 с.
39. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / отв. ред. О.Г. Большаков. – М. : Наука ГРВЛ, 1985. – 301 с.
40. Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). – М. : Наука. ГРВЛ, 1982. – С. 215-311.
41. Шихалиев Ш.Ш. Исламизация Дагестана в X–XVI вв.: историко-культурные аспекты : дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – 214 с.

Рецензенты:

Алимова Б.М., д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.

Гимбатова М.Б., д.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала.